

Ирина Ратникова

Христианская модель ономастической харизмы в русском языке и культуре XX века

Studia Rossica Posnaniensia 29, 139-146

2001

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ХРИСТИАНСКАЯ МОДЕЛЬ ОНОМАСТИЧЕСКОЙ ХАРИЗМЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ XX ВЕКА

THE CHRISTIAN MODEL OF ONOMASTIC CHARISMA IN RUSSIAN LANGUAGE AND CULTURE OF THE 20th CENTURY

ИРИНА РАТНИКОВА

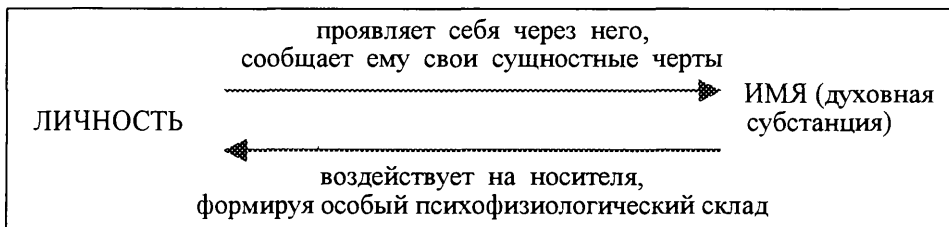
ABSTRACT. Charisma of proper names which is peculiar to the Christian outlook is the subject of the article. The author retraces different levels of this idea's presence in modern Russian culture: religious, poetic, ordinary and scientific thinking.

Ирина Ратникова, Белорусский государственный университет, Кафедра русского языка, ул. К. Маркса 31, 220050 Минск – Беларусь.

Отношение к имени собственному как к важнейшей составляющей человеческого существа и как форме его проявления – один из универсальных надэтнических культурных архетипов, в котором представлен коллективный опыт наречения, – архетип ономастической харизмы. Эта древняя константа духовной жизни была в равной мере существенна как для мифологического, так и для религиозного типов сознания. Она также своеобразно преломляется в рационалистическом мышлении XX века, отражая „опыт прошлого” и „проекцию будущего”¹. В данной статье мы намереваемся проследить, как дорациональные представления о харизме имени собственного актуализируются в современной культурной и языковой практике на 4 уровнях: церковно-культурном, поэтическом, уровнях обыденного сознания и научного мышления.

1. Имя собственное с позиций религиозно-мифологического сознания

В наиболее общем виде понимание значимости имен собственных в христианской культуре можно представить следующей схемой:

¹ *Культурология. XX век. Словарь*, Санкт-Петербург 1997, с. 54.

Христианская модель восприятия имени собственного как сакральной сущности, способной подчинять, направлять, защищать и обеспечивать покровительство высших сил, обнаруживает преемственность с дохристианскими представлениями. Это естественно, поскольку христианство, в сущности, представляет собой частный случай развитой мифологии, высший пласт дотеоретического восприятия мира. И.С. Бестужев-Лада выделяет две разновидности функций имен собственных: рациональную (индивидуализирующе-различительную и социальную) и иррациональную (ритуальную и харизматическую), замечая при этом, что последняя неизбежна в обществе с мифологической или религиозной идеологией или с пережитками таковых². В эпоху родового строя харизматический статус имен собственных реализовывался в таких обрядовых действиях, как 1) наречение двух разнофункциональных имен – истинного (тайного) и иносказательного (используемого в общении); 2) смена имени в переломные моменты жизни, когда человек как бы перерождается, входя в новый для него круг людей (например, обряд инициации); 3) смена имени как один из способов исцеления или продления жизни; 4) табу на имя; 5) наречение апотропеических и дезидеративных имен. Эти же наивные формы психолингвистического программирования в разной степени были актуальны и для классового общества, сформировавшего христианское мировоззрение. Особое место в последнем, как известно, занимали и занимают действия, связанные с (5) и (2) – наречение агионимов по церковному календарю и смена имени в обряде пострижения. Наречение в честь святого является ключевым моментом для понимания христианской модели значимости имени собственного, что глубоко раскрыто в трактате отца Павла Флоренского *Имена*.

Учение о покровительстве святых и подражании им связано с церковным (и общечеловеческим) пониманием имен „как формообразующих сил, действительно единящих онтологически всех своих носителей”³. Для верующего непреложной истиной является то, что получение при крещении имени преподобного обещает счастливую жизнь, а имени мученика – жизнь, полную страданий. Отец Павел Флоренский настоятельно подчеркивает, что первична не судьба святого, а его имя, „ибо и святой сам имеет определенный склад своей личности и определенную кривую жизненного пути как носитель имени своего [...] Имя – онтологически первое, а носитель его, хотя бы и святой, – второе; самому Господу, еще не зачавшемуся на земле, было предуготовано от вечности имя, принесенное Ангелом”⁴. В стереотипной формуле житий „по имени и житие” (не „имя по житию”) подчеркивается, что имя оценивается Церковью как идея, а святой – как ее оптимальный выразитель. Что касается

² И.В. Бестужев-Лада, *Исторические тенденции развития антропонимов*. В: *Личные имена в прошлом, настоящем, будущем*, Москва 1970, с. 24.

³ П.А. Флоренский, *Имена*. В: *Опыты. Литературно-философский сборник*, Москва 1990, с. 368.

⁴ Там же, с. 367–368.

подражания святым, то речь должна идти не об общем назидании осуществлять в жизни христианское совершенство и подражать всем достойным примерам, а о приверженности именно этому, определенному святому, поддерживаемой особенной благодатной близостью к нему. „В противном случае ставилось бы задачей принятие на себя образа и пути духовно чуждых, чужого обличия, без внутренней сути, имитация, – какое-то актерство, не только не способствующее раскрытию и просветлению личности, но, напротив, ее подавляющее, убивающее в ней духовную свободу и самоопределение”⁵. По мнению о. П. Флоренского, покровительство соименных святых также не должно трактоваться упрощенно – как их особое благоволение к своим тезкам. В этом христианском догмате следует видеть указание на своеобразное избирательное духовное средство со святым и общность жизненного пути.

2. Семантика имени собственного с позиций рационалистического и поэтического сознания

В гуманитарном знании XX века имя собственное было одной из самых популярных проблем. Философов языка и лингвистов интересовало в первую очередь наличие или отсутствие у *nomina propria* значения. Развитие научной мысли в этом направлении убедительно показало, что сигнификат имени собственного не отражает никаких индивидуальных характеристик объекта (Л. Витгенштейн, Б. Рассел, Дж. Серл, А. Гардинер, А.В. Суперанская, В.А. Никонов, Н.И. Толстой, Ю.А. Карпенко и др.), что означаемое имени собственного (энциклопедическая информация о денотате) лежит за пределами языковой семантики. О языковом значении имени можно говорить лишь в аспекте диахронии, имея в виду его этимологию. Но для атеистического мышления этимология имени не актуальна. К тому же единицы ономастики вообще характеризуются особой склонностью к деэтимологизации (за исключением некоторых специфических разрядов, таких как идеонимы, прагматонимы, микропонимы: для них наличие внутренней формы – необходимое условие существования). По мнению Ю.А. Карпенко, наличие внутренней формы только осложняет выполнение именами собственными их основной функции – идентификации и дифференциации, а потому они легко теряют ее вследствие отсутствия потребности в ней у общества, пользующегося именами, а вовсе не вследствие их древности. „Топонимы Москва и Волга прекрасно справляются со своими номинативными функциями и, более того, стали благодаря своим великим денотатам символами страны, хотя никто толком не знает этимологии этих названий”⁶.

Однако совершенно иным будет отношение к исторической мотивации имени и ее забвению для поэтического сознания в контексте христианской

---

⁵ Там же, с. 368.

⁶ Ю.А. Карпенко, *Специфика ономастики*. В: *Русская ономастика*, Одесса 1984, с. 9.

культуры. Как известно, крещение Древней Руси сопровождалось глобальными изменениями в антропонимиконе: вытеснением исконно русских языческих имен с прозрачной этимологией (**Творимир, Доброгост, Нелюба, Тугарин** и т. п.) и насильственным распространением канонических имен иноязычного происхождения. Внутренняя форма последних была, естественно, неизвестна основной массе носителей древнерусского языка, хотя пришедшие из Византии личные имена, так же, как и русские, воспроизводили универсальные антропонимические модели и в значительной мере соответствовали русским: греч. **Агафон** – рус. **Добрыня**, лат. **Павел** – рус. **Мал, Малюта, Мальш**, др.-евр. **Давид** – рус. **Любим**, греч. **Петр** – рус. **Камень** и т. п. Это обстоятельство, по Георгию Гачеву, оказалось значимым для формирования ментального мира восточных славян: „Воля имени прикрыта, приглушена для нас, в России, чужеземным, заморским происхождением большинства имен. С пришествием христианства на Русь пришли к нам имена еврейские, греческие, латинские. В тех языках и землях прозрачны их значения, а у нас редки понятные имена со славянским корнем – такие, как Вера, Надежда, Любовь, Людмила, Богдан [...]. Вот в Болгарии, откуда мой род, язык продуктивен в понятном именовании своих человечков: Пламен, Огнян, Снежана, Росица [...]. Такой завод, ряд и чин имен – гносеологически существен: понимая свое имя, человек имеет презумпцию понятности мира вокруг, в уме развивается рационализм. А в России как Василию понять, что имя его означает «царь», а Катерине знать, что она «чистая»? Непонятность главного слова – своего имени – налагает сильную печать на разум: русский человек сызмальства привыкает жить с презумпцией непонимания себя и мира вокруг, уважать неведомое, тайну, полагать, что где-то ТАМ – виднее, доверять, не судить...”⁷.

Если для сегодняшнего рационалистического мышления привычно говорить об именах собственных как о „пустых” знаках, с точки зрения лексической семантики близких к местоимениям, а в обыденной жизни нам не свойственно принимать в расчет не верифицируемую наукой связь между именем и сущностью обозначаемого, то анализ антропонимии художественного произведения неизменно обращает нашу мысль к христианской традиции видеть в имени формулу личности, ключ к ее пониманию. Рождение поэтического антропонима в определенном смысле воспроизводит сакральный акт наречения в христианстве и других религиях, когда предполагается, что словесный облик имени станет формообразующим началом личности, определит суть и судьбу именованного. Поэтический антропоним призван стать квинтэссенцией образа, манифестацией глубинных смыслов. Создание поэтонима поэт-символист Вячеслав Иванов сравнил с высвобождением „мотылька – сознания из темных покровов”⁸. Поэтоним выражает духовную сущ-

⁷ Г. Г а ч е в, *Русский Иван. Медитация про волю имен*, „Независимая газета” 1997, 21 февраля.

⁸ В. И в а н о в, *По звездам*, Санкт-Петербург 1909, с. 145.

ность образа, т.е. иррациональное, то, что может быть постигнуто интуитивно, во что можно вчувствоваться. И здесь важна не только прозрачная мотивация, но и звукопись, инструментовка имен: „Как имя воплощено в звуке, то и духовная сущность его постигается преимущественно вчувствованием в звуковую его плоть”⁹. Так, Владимир Набоков считал фамилию Хлестаков гениально придуманной, потому что „у русского уха она создает ощущение легкости, бездумности, болтовни, свиста легкой тросточки, шлепанья об стол карт, бахвальства шалопаия и удалства покорителя сердец”¹⁰.

3. Рефлексы религиозно-мифологического восприятия имени в повседневном общении

Черты религиозно-мифологических представлений ярче всего прослеживаются в акте наречения – как в его основополагающей мотивации (придать сущности статус реального бытия), так и в мотивациях выбора имени. Наречение семейного имени (т.е. в честь деда, отца, матери и т.д.) – отголосок ритуального акта продления существования предка в новорожденном. Наречение в честь выдающейся личности имеет в подтексте подобную метонимическую связь: перенос имени с эпонима на новорожденного как отражение их желаемой сопричастности. При этом дезидеративный аспект наречения является собой в большей степени дань традиции, нежели реальный мотив выбора имени.

Использование разнофункциональных единиц современной антропонимической системы для номинации лица в той или иной обстановке и его характеристики коррелирует с архаичной системой „нескольких имен”, формирующих оппозиции „истинное (тайное) / бытовое”, „детское / взрослое”, „христианское / языческое”, „сакральное / мирское” и т.п. При образовании различных социально ограниченных в употреблении имснований (прозвищ, кличек, псевдонимов) воспроизводятся древние модели наречения по характерному признаку (Малуша, Несмеяна, Забава, Рудак, Булгак, Молчан и т.д.), для которых связь между означающим и означаемым была в равной мере очевидна и необходима. Эти же модели были востребованы эстетикой классицизма („говорящие” фамилии) и закрепились как одна из универсальных примет разных стилей.

В неофициальных типах речи антропонимы, входящие в парадигму имснований лица, могут иметь разную референцию, соотносясь с разными сторонами личности, воплощая разные стратегии ее жизненного поведения, придавая самостоятельный статус ее ипостасям: „Преподобный Доджсон превращался – в некоторые счастливые минуты своей жизни – в человека по имени Льюис Кэрролл” („Имя” 1998, 14 мая). Двойственность природы человека, противоборство в нем социального и биологического начал выражается

⁹ П.А. Флоренский, указ. соч., с. 355.

¹⁰ В. Набоков, *Лекции по русской литературе*, Москва 1996, с. 68.

противопоставлением разных типов его именовании: „Как мог поэт Янка Купала, патриот Беларуси, борец за ее свободу, опуститься до слабостей земного человека **Луцевича Ивана Доминиковича**?! Или Купала – самоубийца умер еще до смерти **Ивана Луцевича**?” („Літаратура і мастацтва” 1998, 18 верасня). Этот эффект имени собственного, культивируемый христианским сознанием, т. е. способность имени сообщать индивиду статус существования, Б. Руднев охарактеризовал на примере антропонимии романа М. Фриша *Назову себя Гантенбайн* (где рассказчик представляет себя попеременно двумя персонажами – **Гантенбайном** и **Эгдерлином**, у каждого из которых свой особый жизненный путь)¹¹.

Архетипическое представление о смене имени как способе изменить сущность особенно актуализировалось на постсоветском пространстве в отношении топонимов и микротопонимов. С этой точки зрения любопытна не столько планомерная политика реиминации, сколько спонтанная реакция обывателей, основанная на подсознательном стремлении откеститься от прошлого, изменить жизнь, меняя названия. Так, летом 1997 г. в Калининграде (бывший Кенигсберг) проходили массовые демонстрации жителей, требовавших убрать из названия города имя „всесоюзного старосты”.

Наилучшее представление об актуализации религиозно-мифологических компонентов в обыденном сознании дает публицистика как специфический культурный код, ориентированный на носителя массового сознания, как индикатор культурного опыта и культурных ожиданий. Соответствие последним и определяет в конечном итоге ее эффективность. Широко представленные в языке СМИ многообразные реализации рефлексии на звуковой облик имен, их фоносимволические ассоциации или внутреннюю форму отражают подсознательное стремление если не обнаружить реально существующее, то хотя бы додумать соответствие между звуками именованного и характером, поведением, социальной ролью именуемого. Ср. фрагмент фельетона, в котором автор пытается приложить французскую деривационную модель к антропонимам российских политиков в контексте их предвыборной активности:

„Попадая во Францию, вы неизбежно упираетесь в кафе под вывеской **«Ше ЖеЖе»**, либо **«Ше МиМи»**, или **«Ше ЛуЛу»** [...] Покойного президента называли **«пепе»**, то есть **«дедушка»**. Нынешнего, в зависимости от настроения, зовут **«ШиШи»** или **«ЖаЖа»** [...]. Попробуем приложить психо- и социолингвистическую схему родственного языка к нашей предвыборной действительности. Особенно интересно получается с коммуно-патриотами. Вслушайтесь в музыку революции. **Зюганов** – **«ЗюЗю»**. **Жириновский** – **«ЖиЖи»**. **Лукьянов** – **«ЛуЛу»**. **Лимонов** – **«ЛиЛи»**. **Тулеев** – **«ТуТу»**. **Лебедь** – **«ЛеЛе»**. **Говорухин** – **«ГоГо»**. Все, как в детской. Перейдем к демократам и «партии власти». Тут звучание более странное. **«ГайГай»**,

¹¹ Б. Руднев, „Назову себя Гантенбайн”. *Собственные имена в культуре XX столетия*, „Даугава” (Рига) 1989, № 12, с. 104.

«ЧерЧер», «ЯвЯв», «ПриПри» и т. д. Щебечущее разноголосое майское птичье дерево. А что насчет президента *in officio*? Сплошной биг-бит из радиолы, выставленной в окошко: «YeYe»” („Независимая газета” 1996, 21 марта).

Одним из продуктивных типов языковых аномалий в языке масс-медиа являются окказиональные антропонимические дериваты, несущие ярко выраженную негативную оценку (ельциноид, чубайсята, ельцинизировать, начубайсить, Блэкфейсов – калька с Черномырдин). Рассматривая подобные образования как деформации антропонимов в аспекте журналистской этики, Й. Сипко справедливо замечает: „Имя можно считать самым неотделимым элементом каждого человека. Деформации имен и фамилий на этом фоне являются грубым посягательством на личность их носителей”¹². В данной модели явственно проступает рефлекс магических манипуляций с именем, имеющих целью негативно воздействовать на его носителя.

Широкое распространение такой модели языковой игры, как этимологическая регенерация имен собственных, в конечном итоге отражает все тот же архетип христианского сознания: имя – особая субстанция, посредством которой проявляет себя духовная сущность. Ср., например: „**Виктор метит в победители** – о попытке депутата Верховного Совета РБ Виктора Кучинского создать новую фракцию” („Имя” 1996, 23 февр.). Очень популярен ономастический каламбур, в котором актуализируется утраченная много веков назад внутренняя форма фамилий: **Тихо! Слушаем Тихиню!** („Свабода” 1996, 13 верасня). Общечеловеческая формула о значимости имен и о связи с каждым из них определенной духовной и отчасти психофизической структуры „просвечивает” в контекстах, где сведены антропоним и ассоциативно (а в историческом плане и словообразовательно) связанный с ним апеллятив: „Мстительные хозяева новой Думы дали И.П. Рыбкину кабинет в темном закоулке 8-го этажа... **«Я – рыба, я молчу»**, – вздыхал Иван Петрович” („Общая газета” 1996, № 42).

4. Архетип ономастической харизмы как мотивация в научном и паранаучном мышлении

Рефлексы христианского (и мифологического) представления о харизматических свойствах имени сохраняются и в парадигме научного мышления: в XX веке продолжается поиск общности судеб и характеров носителей одного и того же имени, выявление воздействующей силы имени, но уже на основе научных методов. В начале века русский исследователь С.Р. Минцлов, пытаясь определить наличие взаимосвязи между чертами личности и именем, применил статистический метод: он подсчитал общую частоту распределения имен в России и сопоставил с ней частоту имен выдающихся деятелей русской культуры. Вряд ли корректно давать оценку сделанных на основании

---

¹² Й. С и п к о, *Да святится имя твое...*, „Русский язык в центре Европы”, Баньска Бистрица 1999, с. 80.

этого выводов в его брошюре „Власть имен” (Сергей обычно не выдвигают из своей среды выдающихся людей, но часто являются отцами таковых: Пушкина, Грибоедова, Тургенева, Даргомыжского; Александр почти всегда весельчак, душа компании и т. п.), но безусловный интерес с точки зрения истории науки представляет сам факт обращения к такому исследованию. Во второй половине XX века проблема связи между именем и особенностями личности изучалась главным образом в рамках психологии и психиатрии. На территории бывшего СССР наибольший резонанс получили эксперименты по исследованию интуитивных психодиагностических возможностей Бориса Хигира (психологические характеристики людей, данные им на основе их имен и отчеств, на 86% совпали с результатами тестирования этих людей по методике Айзенка). В основе рабочей гипотезы, объясняющей возможности достоверной психологической интерпретации имен, лежит фонетическая теория: „звуковая нагрузка на одни мозговые структуры у одного ребенка и совершенно другая по своему физиологическому рисунку нагрузка у другого не может не сказаться на формировании различий в психике”¹³. „Феномен Хигира”, побуждающий к исследованию сложной цепи промежуточных психологических звеньев между именем человека и особенностями его личности, интересен также и для филолога – как продолжение коллективных представлений об именной типологии, восходящих к духовным традициям средневековья. Ср.: „Смиренная всегда Пелагея. Приятна в любви Наталья. Пирожная мастерица Феодора. Лукавый разговор Татьяна”¹⁴.

Культурные архетипы, легшие в основу поисков звукоонтологического значения имен в религиозном сознании древних (кабалистические представления о взаимосвязи звуков и поведения людей), сегодня побуждают к поискам в области психолингвистики. В минском центре „Компьютерные психотехнологии”, например, разработана программа, декодирующая психологический портрет личности по звуковому составу фамилии. Лингвистические основы программы были разработаны известным специалистом в области фоносемантики В. Журавлевым на основе 20 тысяч экспериментов по определению численных коэффициентов фонетической значимости звуков русского языка, проводимых в течение 10 лет.

Таким образом, присутствие христианской модели ономастической харизмы в современной русской культуре носит комплексный характер, реализуясь как на уровне повседневно-бытового стихийного мифотворчества, так и в качестве социально значимых элементов разнообразных дискурсов культуры – от художественного и публицистического до научно-теоретического.

---

¹³ П. Згонников, *Имя – знак судьбы?* В: Б. Хигир, *Как назвать ребенка?* Москва 1996, с. 8.

¹⁴ *Реестр о дамах и прекрасных девицах*, „Русские народные картинки”, т. 1, Санкт-Петербург 1900, с. 104.